

О местной газете замолвите слово...

Сама постановка вопроса - нужна ли местная периодика? - как мне представляется, не совсем уместна; скорее даже, совсем не уместна. Что значит - нужна? Как и все в жизни, это должно происходить естественным путем. Если она существует - значит нужна. А местная периодика не только существует, но и расцветает всеми возможными красками - и в этом ее сила. Как трава пробивает асфальт, так даже совсем небольшие издания где-то на окраине огромной бывшей империи находят свою нишу, пробивают, казалось бы, своими слабыми голосами, толщу наслоений, вселенский гул, наполнивший наш мир. Большой объем и образцовое полиграфическое исполнение не всегда показатель значимости того или иного издания. Не всегда богатый умнее бедного. Ведь часто именно всевозможные ограничения заставляют находить неординарные решения, будят фантазию, приучают относиться к Слову более трепетно: писать так, чтобы слов было меньше, а смысла - больше. Стоило бы повнимательнее относиться к этому явлению - местная периодика. Зачастую в этих изданиях рассыпаны искры таланта, находки и открытия, достойные стать одним из звеньев в пестрой палитре современной еврейской культуры.

Однажды на очередном еврейском семинаре выступил вполне уважаемый человек и призвал закрывать периферийные газеты - мол, сколько человек их прочитают? "Присылайте лучше ваши материалы нам, в центр, и о вашей общине узнают десятки тысяч, миллионы..." Правда, решать **что** печатать, **как** это подавать и **что** нужно этим миллионам, и вообще, нужно ли, будет он. Знакомая картина! Так и появляется до боли напоминающий недавний родной "Огонек" журнал "Лехаим". (Это не умаляет его действительных достоинств.)

А ведь вся привлекательность и незаменимость местных газет именно в их, если так можно выразиться, "местечковости". Не в убогом понимании этого определения, а в смысле неповторимости местного колорита. Только этим изданиям под силу воссоздать на своих страницах живую жизнь живой общины. Именно эти издания донесут потомкам живой голос многих общин и

имена тех, кто вносит свой посильный вклад в передачу из "рук в руки" еврейских традиций, таких разнообразных, еврейского самосознания.

Но, на самом деле, основная ценность существования местной периодики даже не в этом. Как каждое начинание, хотя и кажется, что занимаются этим один-два человека, оно формирует вокруг себя группу людей, так или иначе с ним связанную. Кто-то читает, кто-то пишет, кто-то собирает материал, кто-то что-то или кого-то вспомнил или нашел и т.д. Как вокруг большого небесного тела вращаются несколько меньших, так и в данном случае образуется своеобразная "окологазетная среда". Это те люди, которые без этого, может быть, и не стали бы заниматься всеми этими "еврейскими штучками". Так формируется **ядро общины**, связанное общим делом, общими интересами, причем, интересами далекими от меркантильного расчета, что, в нашей ситуации, может быть, еще важнее. Ведь не секрет, что большинство современных евреев вспоминают о своей принадлежности к избранному народу только тогда, когда их обижают или когда что-нибудь раздают. А в перерывах между этим - они "**как все**", и не напоминайте им о каких-то "**корнях**" и связанных с этим обязанностях по отношению друг к другу!

Нелишне напомнить, что эти газеты не могут быть рентабельными, даже несмотря на то, что не выплачивают гонораров, и редакторы, в большинстве своем, работают безвозмездно. И проблема для них - зависимость от спонсорских вливаний. Причем проблема не только финансовая, но и идеологическая. Хорошо, если спонсор не стремится подчинить своим интересам направленность газетных публикаций, ограничить свободу выбора. А если - да... Вот и тиражируются идеи, привнесенные извне, мало кого интересующие в данном конкретном месте. И не может появиться в изданиях, поддерживаемых одной из центральных еврейских организаций (знающей, естественно, истину), материал другой подобной же организации (так же обладающей эксклюзивным правом на эту самую истину). (Вообще, явление "центральных" еврейских организаций, и кто из них "цен-

тральной" - особая тема.) Вот и выходит в каком-нибудь городке, где при слове "еврей" до сих пор вздрагивают и озираются по сторонам, орган "ортодоксального иудаизма", пугая своим названием не вполне ортодоксальных представителей этого же иудаизма, не про нас будет сказано. И местный материал, тот, который и сделал бы эту газету уникальной, как-то растворяется, бледнеет, тушется под натиском "истинных ценностей".

И все же, не так все плохо. Этими изданиями уже накоплен уникальный материал, представляющий ценность для истории нашего народа, для связи между "периодом молчания" и сегодняшним днем, без чего нет устремления в будущее. Сам сегодняшний день, отображаемый в них, завтра тоже превратится в историю, которую необходимо сберечь для потомков. Сберечь уже сейчас, чтобы потом не пришлось тратить огромные усилия для ее восстановления. Для этого надо начать сбор **всех** этих изданий, концентрацию их в одном месте для хранения и изучения. Необходимо создание базы данных об этих изданиях, каталогизировать, классифицировать материалы и т.п. Все это не требует огромных финансовых вложений: нужен заинтересованный человек, помещение для работы и хранения изданий, элементарное современное оборудование. Можно сослаться на уже имеющийся опыт. В Иерусалиме живет удивительный человек - Владимир Карасик. Он собирает еврейскую периодику как прошлых лет, так и сегодняшнюю. Его квартира должна бы быть объявлена национальным достоянием, так как там хранятся уникальные издания, существующие в единичных экземплярах. Он один проводит работу под силу, разве что, какому-нибудь НИИ. Может быть, привлечь его к этому проекту, может быть, просто воспользоваться его опытом и создать свой архив. Важно только, чтобы архив этот был жизнеспособным и доступным для исследователей.

Как гласит пословица: "Даже самая длинная дорога начинается с первого шага". Может, есть смысл его уже сделать?

Дмитрий Цвибель

Еврейская община, синагога, газета «Общинный вестник» имеет честь поздравить с юбилеем

ЗАЛМАНА САМУИЛОВИЧА КАУФМАНА

Желаем Вам здоровья, ждем новых публикаций И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Адин Штейнзальц отвечает
на вопросы **Михаила Горелика**

- Когда Гейне был молод, культура древних греков казалась ему образцом. В еврейском мире ему не доставало красоты. Потом он пересмотрел свое мнение. Греки остались для него всего лишь красивыми детьми.

- *Маркс говорил нечто подобное.*

- Почему бы и нет - они были люди одного круга, и это было тогда общее культурное клише. Так вот, если греки - дети, то евреи взрослые. С какого-то момента Гейне стал идентифицировать себя со взрослыми.

Одна из концептуальных особенностей греческой культуры - культ молодости. По всей видимости, именно греки придумали бритые - своего рода погоня за молодостью.

- Но ведь египетские жрецы тоже бриты.

- Требование культа. Кроме того, они были осклоплены. В древности борода - естественный символ мужества и власти. Во времена Сократа греки еще носили бороду, во времена Александра уже брились. В Риме императоры с определенного времени бриты - влияние Греции, затем опять появляются бороды - влияние Востока.

- В России Петру пришлось вводить бритые силой. Голый подбородок воспринимался как признак гомосексуальности, поэтому бритые казались позором.

- Поскольку гомосексуализм считался позором. Точно так же, как и у евреев. Библия высказывается на сей счет со всей возможной определенностью. Между тем в Греции гомосексуализм был нормой. Все это органично связано с культом молодости. В еврейском мире - ничего подобного. На иврите одно и то же слово означает "старец" и "старик", и оно носит глубоко положительный характер. В Библии и в Талмуде слова "старик" и "мудрец" часто выступают в качестве синонимов. Уважение к старости рассматривается не как добрый народный обычай, а как прямое и требующее неукоснительного исполнения требование Вс-вышнего: "Перед сединой вставай и уважай старца".

В Талмуде рассказывается о прославившемся своей мудростью еще в юности Элазару бен Азарье. В 17 лет он был избран главой Синедриона (случай уникальный). Его внешность совершенно не соответствовала его обществу статусу, и он от этого страдал.

Группа риска

Борода - естественный символ мужества и власти

- *Своего рода комплекс возрастной неполноценности.*

- Можно и так сказать. В какой-то момент произошло чудо: в одну ночь он поседел. Он говорит о себе: "Я теперь, как семидесятилетний". И в этих словах - не сокрушение от преждевременной старости, а удовлетворение: наконец-то его внешность соответствует теперь его статусу.

- *Эта история кажется сегодня психологическим казусом.*

- Поскольку менталитет изменился. Запад (а вслед за ним Россия и Израиль) в огромной мере воспринял греческую идею молодости, связанную с красотой и здоровьем. Старость пугает. Старость перестала быть тем, что заслуживает уважения. "Старик" - это может звучать снисходительно, жалостливо, насмешливо, оскорбительно. Поэтому лучше вообще не произносить это слово.

- *Мне это напоминает отношение к слову "еврей" в советскую эпоху. Также трудно произносилось.*

- В Израиле в названии заведений для престарелых обычно употребляется эвфемизм "золотой возраст". А в России как?

- *То же самое: стариков называют ветеранами - чтоб не обидеть. С другой стороны, в России, в отличие от Израиля, в полной, я бы даже сказал, в пугающей, мере воплотилась идея геронтократии.*

- Ну, сейчас-то ваш президент молод.

- Да, и контраст просто художественный.

- В традиционном еврейском мире, наряду с уважением к старости, есть трезвое сознание, что с человеком в преклонном возрасте могут

происходить малоприятные изменения, и дело тут не только в физическом дряхлении. В Талмуде рассматриваются ограничения, налагаемые на членство в Синедрионе. Членами верховного суда, в компетенции которого было вынесение смертных приговоров, не могли стать люди, известные своей жестокостью, а также старики и бездетные. Идея такого ограничения состоит в том, что жизнь людей не должна зависеть от судей с дефицитом милосердия.

- *Старики и бездетные априори считаются жестокосердными?*

- Да, это своего рода презумпция немилосердия. Человек, у которого не было детей, лишен очень важного опыта снисхождения и прощения. Нередко бывает так, что с возрастом старики отдаляются от ближних, душевная теплота понемногу уходит, и человек замыкается в холодном и бездушном эгоизме.

Одна хасидская история рассказывает о трех судах: суд ангелов - он самый жесткий и немилосердный, суд умерших праведников - он куда милосерднее ангельского, и, наконец, суд праведников живых - он самый снисходительный и милосердный, ибо в нем больше всего понимания и сопереживания. Те, кто умерли, уже отделились от нашего мира, в то время как праведники, живущие в нем, не просто интеллектуально понимают мотивы, проблемы, обстоятельства, человеческие слабости и бремя страстей, но знают все это по своему собственному опыту, по окружающей их жизни. Они умеют жалеть и прощать.

- *Стало быть, суд немилосердных старцев ближе всего к ангельскому? Забавно. Вот вы сказали: нередко с возрастом человек замыкается в холодном эгоизме. Но ведь отнюдь не всегда, ведь может и не замкнуться. Наверняка вам известны примеры, когда к старости полностью раскрываются лучшие человеческие качества. Да и бездетный человек может быть милосердным, он может приобрести опыт любви и сострадания каким-то другим образом.*

- Конечно, вы правы, и мудрецы Талмуда тоже это прекрасно понимали, но они исходили из того, что в случае, когда речь идет о человеческой жизни, лучше подстраховаться, а старики и бездетные, в силу своей жизненной ситуации, входили, по их мнению, в своеобразную группу риска.

Программа заочного еврейского образования «Лимудим» по эксклюзивной методике Института изучения иудаизма под руководством раввина А. Штейнзальца

Курсы академического уровня, учеба в индивидуальном темпе:

- "Тора - имена и судьбы"
- "Пророки о падении и возрождении Иерусалима"
- "Агада в Вавилонском Талмуде"
- "От Иешуа до Шломо"

Всем принятым на учебу высылаются учебные пособия, разработанные институтом, а также предоставляется всем желающим широкий выбор учебных материалов на нашем сайте: www.judaicaru.org

Институт изучения иудаизма в СНГ Москва 109240 а/я 44

Телефон: (095) 9153165, факс: (095) 9153161 e-mail: lamed@judaicaru.org

НА ПОДСТУПАХ К РОМАНУ В. ГРОССМАНА «ЖИЗНЬ И СУДЬБА»

Мы помним, что советский режим в 1961 году во время так называемой «оттепели», не тронул писателя Гроссмана, сделал все, чтобы рукопись его романа «Жизнь и судьба» исчезла навсегда. Конечно, Гроссман хорошо понимал, какая взрывная сила заключалась в его главной книге и поэтому позаботился, чтобы два экземпляра рукописи хранились у его самых близких друзей - у Семьи Липкина и Вячеслава Лободы.

Рукопись, бывшую у С. Липкина, переснял на пленку академик Сахаров, а вывез за границу роман писателя Владимир Войнович. И два замечательных филолога Шимон Маркиш (сын поэта Перца Маркиша) и Ефим Эткинд в 1980 году впервые издали «Жизнь и судьбу».

У нас роман был напечатан на пороге перестройки в 1988 году в журнале «Октябрь». В том же году в журнале «Знамя» появился впервые полный текст «Добро вам!», а затем и повесть о страшном голоде на Украине в начале коллективизации - «Все течет».

А когда опубликовали наконец роман «Жизнь и судьба», вдова Вячеслава Лободы (он не дожидаясь до этих дней) решила отдать рукопись в одно из московских издательств. И эта рукопись оказалась самой полной. Так началась жизнь этого без преувеличения великого романа.

При всем желании на такой маленькой площади я не берусь писать обо всем романе Гроссмана «Жизнь и судьба», так как подобная задача кажется вообще невозможной и невыполнимой - по причине того, что вся вещь эта настолько сложна, объемна и неохватна... И при том - это ведь книга не только наша современница, законченная в конце 1960 года и охватывающая по времени очень важный, драматический, но небольшой отрезок времени в эпоху Отечественной войны - только месяцы великой Сталинградской битвы с фашизмом. И в этом, казалось, небольшом временном пространстве уместилось не только потрясающие сцены самой этой Сталинградской битвы, но и жизнь тыла, и гитлеровские концлагеря, и советские концлагеря, солдаты и генералы наши и гитлеровские; и размышления замечательного ученого-атомщика Штрума, и незабываемые письма матери Штрума из еврейского гетто, где она обречена, как и все гетто, и во всем этом есть главная идея - идея свободы, которая зреет и во время Сталинградской битвы, и в концлагерях, и в умах ученых и солдат - везде как противовес не только гитлеризму, но и сталинизму. Это ведь Гроссман еще в пятидесятые годы поставил по существу знак равенства между Гитлером и Сталиным, между гитлеризмом и сталинизмом... И при этом вся страна воюет, и при том при всем не совсем осознает, что надеется не только на победу, но и на свободу, что свобода придет вместе с победой...

Разве все это и многое другое можно охватить мыслью? Есть тут только один способ и один подход - перечитывать уже в который раз роман «Жизнь и судьба». Вот, может быть, остановлюсь на том, как физик Штрум заполняет анкету посреди войны, когда уже понемногу начался хорошо нам всем памятный государственный антисемитизм, созревший в недрах сталинского режима.

Надо еще остановиться на споре двух революционеров и советских эзев - Абарчука и Магера; и на беседе уже в гитлеровском концлагере старого большевика Мостовского с фашистским идеологом Лиссом. И еще, и еще... Герои Гроссмана размышляют не только о 1937 году и о государственном антисемитизме, но и о страшном уничтожении крестьянства коллективизацией и голодом.

Вот я как бы набросал краткий конспект того, о чем из хоху несколько подробнее рассказать. И прежде чем перейти к каким-то эпизодам или страницам «Жизни и судьбы», надо отдать себе полный и ясный отчет в том, что будь этот роман сорок пять лет тому назад опубликован, сегодня мы были бы иными...

Важно, мне кажется, всмотреться, вслушаться в беседу Лисса с Мостовским. Высокий фашистский начальник, претендующий быть теоретиком нацизма, оберштурмбанфюрер вызывает к себе лагерника, старого большевика Мостовского, но не для допроса. Лиссу просто хочется пофилософствовать с этим весьма образованным пожилым коммунистом. Прежде чем дать слово этому Лиссу, хочу представить, как ушел во всех чистках 20-30 годов. Мостовский. Он порядочный человек, он никого не гробил, но когда уничтожали эзевов в начале 20-х годов, он молчал, как и потом на протяжении очень соблазнительных, репрессивных лет, вплоть до самой войны. Он не поднял голос за невинных. И во время встречи с Лиссом он почти молчит. А о чем же говорит Лисс?

«Когда мы смотрим в лицо друг другу... мы смотрим в зеркало... Разве Вы не узнаете себя, свою волю в нас?»

И несколько ниже спрашивает: «Вы понимаете меня, учитель?»

Да, еще пятьдесят лет тому назад Гроссман поставил знак равенства между нацизмом и сталинизмом. Вот до чего додумался Гроссман.

И снова страшный Лисс мучает своими словами Мостовского:

«Но наша победа - это ваша победа. Понимаете? А если победите вы, то мы и погибнем, и будем жить в вашей победе. Это как парадокс: проиграв войну, мы выиграем войну, мы будем развиваться в другой форме, но в том же существе».

И ниже Лисс добавляет:

«Сегодня вас пугает наша ненависть к иудейству. Может быть, завтра вы возьмете себе наш опыт? Учитель, вы всегда будете учить нас и всегда у нас учиться»...

А на другом конце земли, далеко на востоке в гулаговском советском лагере находятся два политических эзев - Абарчук и Магер. Фанатик-большевик Абарчук, для которого все каменно-неподвижно и каменно-неизменно. А Магер начал понимать, в какой исторической трясине он увяз. Оба они погибнут. И вот что умирающий Магер говорит Абарчуку:

«Мы ошиблись... Сега не искупишь никаким покаянием. Это я хотел сказать тебе. Раз. Теперь - два. Мы не понимали свободы. Мы раздали ее. И Маркс не оценил ее: она основа, смысл, базис над базисом... Вот два, и слушаю - три... коммунисты создали кумира, погони, надели, мундиры, исповедуют национализм... надо будет, дойдут до чернотенства...»

Обе эти беседы у Гроссмана неслучайны: они рождены опытом послевоенной сталинской эпохи.

Есть старая легенда о рыцаре, победившем дракона и заризавшемся кровью побежденного дракона. Можно ли так просто объяснить метафоры победившей в России революции и революционеров? А эту злополучную эволюцию-метафору еще со времен Великой французской революции стали понимать так: революцию готовят мечтатели, реализуют фанатики, а плоды ее воспользуются обязательно мерзавцы...

Но если говорить о заражении кровью дракона, то есть согласиться с такой метафорой, то все это проще всего проследить на хорошо нам всем известном антисемитизме. Он всегда жил, иногда, как в 20-е годы у нас, только тлел, так как в первое время после революции за слово «жид» можно было угодить в тюрьму. Мой отец рассказывал такой анекдот тех лет. Один спрашивает у знакомого: «Что ты тут делаешь?» - «Подождеваю трамвай...» Ведь в слове «поджидаю» есть это дивное сочетание «жид»...

Советская идеология, надо помнить, не только нечто насаждала, но и шла навстречу жизни. Если в оккупации были открыты церкви, то великая атеистическая страна, конечно, без восторга соглашалась с этим. Большая часть европейской территории СССР была в гитлеровской оккупации и хорошо окунаясь в антисемитизм нацистский. И, опять-таки советская идеология не только не стала мешать этим настроениям, но еще и помогала... Конечно, все было куда сложнее. И все это мучило Гроссмана.

Позволю себе сделать маленькое отступление о чтении и особенно о перечитывании - иначе как объяснить мой выбор той или иной сюжетной линии у Гроссмана в «Жизни и судьбе». Иногда я по-старинному перечитываю книги. Вы никогда не перечитывали «Анну Каренину» только по одной линии - положим, по линии Константина Левина? Кто хочет хоть немного приблизиться к пониманию самого Льва Толстого, вынужден всматриваться в этого очень автобиографического Константина Ле-

вина. Вот и с перечитыванием «Жизни и судьбы» Гроссмана у меня нечто похожее. Сколько раз перечитывал эту вещь писателя после 1988 года, после первой у нас публикации в журнале «Октябрь»... Но если хочу взглянуть, вчувствоваться в характер Гроссмана, в его жизнь и судьбу, то обязательно читаю-перечитываю одну только линию - линию ученого-физика Штрума. Обе эти фамилии говорящие. Гроссман переводится с языка идиш, как «большой человек», а Штрум - это «поток».

Сквозной мотив романа «Жизнь и судьба» - и не только для одного Штрума - это госстрах. Это жуткое слово у Гроссмана и понимает он его по-своему, наполняет своим смыслом. Такое понимание родилось у писателя из осознания сталинского режима как государственного страха для людей. Правда, как мы помним из биографии писателя, этот госстрах настиг Гроссмана уже после сталинской эпохи посреди «оттепели» в 1961 году. Наваливался на Гроссмана госстрах и раньше, в послевоенные годы, когда была организована травля романа «За правое дело». Но, понятно. Самый страшный госстрах связан с его главным творением - романом «Жизнь и судьба».

Идет, продолжится Сталинградская битва с фашизмом. А в это время травят знаменитого ученого Штрума как идеалиста. Но Штрум не вообще физик-теоретик, а физик-атомщик. И вдруг посреди травли раздается звонок Сталина к Штруму. Он поддержал его не потому, что так уж любил еврея Штрума, а потому, что остро потребовались его, Штрума, исследования. И все участники травли, после звонка, Сталина, как по команде, возлюбили Штрума. А еще когда длились те гонения, в беседе Штрума с академиком Чельжиным всплывают знаменитые слова Андрея Платонова о таких гнусных кампаниях травли: «совокупление слепых в крапиве»... Не Штрум с Чельжиным вспомнили эти едкие слова, а Гроссман им как бы их подарил - слова его друга Андрея Платонова.

До войны Штрум никогда не задумывался над тем, что он еврей. И вот он посреди войны заполняет анкету.

«Ночью, когда жена и дочка легли спать, Штрум взял заполнять анкету. Почти все вопросы в анкете были те же, что и до войны. И потому, что они были прежними, они казались Виктору Павловичу странными, как-то поновому тревожили его.

Государство было взволновано не тем, достаточен ли математический аппарат которым Штрум пользовался в своей работе... Государственная тревога была серьезная и хмура. Штрум, просмотрев анкету, сам зарылся неуверенностью в своей надежности и подлинности.

1. Фамилия, имя отчество... Кто он, человек, вписывающий в анкетный лист в ночной час Штрум, Виктор Павлович?... помнитесь, в бумагах отца стояло имя Пинхус, а не Павел. Почему я Виктор Павлович?»

Пропустим второй, третий и четвертый пункты анкеты и остановимся на незабываемом пятом пункте.

5. Национальность... Вот пятый пункт. Такой простой, не значащий в довоенное время и какой-то чуть-чуть особенный сейчас.

Штрум, нажимая на перо, решительными буквами написал: «еврей». Он не знал, что будет вскоре значить для сотен тысяч людей ответить на пятый вопрос анкеты: калмык, балкарец, чеченец, крымский татарин, еврей...

Он не знал, что год от года будут густеть вокруг этого пятого пункта мрачные страсти, что страх, злоба, отчаяние, безысходность, кровь будут перебираться, переключаться в него из соседнего шестого пункта «социальное происхождение», что через несколько лет многие люди станут заполнять пятый пункт анкеты с чувством рока, с которым в прошлые десятилетия отвечали на соседний шестой вопрос дети казачьих офицеров, дворян и фабрикантов, сыновья священников.

Но он уже ошущал и предчувствовал агустение силовых линий вокруг пятого вопроса анкеты. Накануне вечером ему позвонил по телефону Ландесман, и Штрум ему сказал, что ничего не получится с его оформлением. «Я так и предполагал», - сказал Ландесман злым, упрекающим Штрума голосом. «У вас беспорядок в анкете?» - спросил Штрум. Ландесман фыркнул в трубку и сказал: «Беспорядок выражен в фамилии».

А двумя страницами ниже ироничный Гроссман пишет про ироничного Штрума:

«Безысходное чувство виновности, нечистоты охватило Штрума. Он вспомнил про каявшегося партийца, сказавшего на собрании: «Товарищи, я не наш человек»...»

Все эти мучительные мысли не просто написал Гроссман, а, как мы гададываемся, много страдал, много думал обо всем этом и только потом выдал эти мысли за раздумья весьма думающего Штрума.

Что ж, о многом важном и очень серьезном я не только не рассказал, но даже не упомянул. Поэтому и будем считать, что мы еще на подступах к роману Гроссмана «Жизнь и судьба»...

В 2005 году отмечалось 60 лет со дня окончания Второй мировой войны - самой кровавой войны в истории человечества, принесшей неисчислимые жертвы и страдания.

К этой дате наша община выпустила брошюру Дмитрия Цвибеля из серии "Библиотечка газеты "Общинный вестник" - "Судьбы, опаленные войной" (редактор - Юлия Генделева). В ней шесть рассказов-свидетельств непосредственных участников произошедшей трагедии. Каждый из этих людей прошел свой неповторимый путь по дорогам войны, вынес свое понимание происходившего, свою память, с которой он живет: Гарри Лак, Борис Клейн, Ефим Левин, Михаил Фишман, Савелий Хенкин, Семен Бекенштейн.

Будем благодарны им за их свидетельства, за возможность прикоснуться к священной памяти о пережитом; за то, что, делаясь своими воспоминаниями, они оставляют память и о тех, кому не дано было дожить до наших дней.

Регулярные мероприятия Хэсэда Агамим

Мазл Тов! (Э.Белорукова. 12.00 - по воскресеньям)
Дневной центр (В.Бравая. 11.00 - вторник, пятница)
Шаббат (Д.Генделев. 15.00 - по пятницам)
Группа здоровья (Е.Авишева. Понедельник, четверг - 10.00)

Танцевальный ансамбль "АВИВ"

(Н.Гуль. ДК Машиностроитель, 20.00 - понедельник; ЦНК, 19.00 - пятница)

Детский танцевальный ансамбль "ДРЕЙДЛ"

(Н.Гуль. ЦНК, 18.30 - вторник)

Молодежный клуб "МАЗАЛЬ"

Шаббат (Я.Ронинсон. Хэсэд, 19.00 - по пятницам)
Видеопроект (Я.Ронинсон. Хэсэд, 16.00 - по воскресеньям.)

Регулярные мероприятия филиала ИКЦ

Информационный центр по Холокосту, антисемитизму и ксенофобии "ИЦХАК" (Д.Цвибель. 14.00 - по заявкам, первое, третье воскресенье месяца)

Подростковый клуб (Л.Гринберг. Воскресная школа, 10.00 - второе воскресенье месяца)

Клуб родителей, дети которых живут в Израиле (Л.Гринберг. Шалом, 17.00 - вторая среда месяца)

Встреча в молодежном клубе (М.Гончарук. Хэсэд, 19.00 - одна из пятниц)

День ИКЦ (Л.Гринберг, Д.Цвибель. Шалом, 17.00 - третья среда месяца)

Встреча в молодежном клубе (Л.Гринберг. Хэсэд, 19.00 - одна из пятниц месяца)

Молодежи о Катастрофе и героизме еврейского народа (М.Гольденберг. Центр "ИЦХАК", 14.00 - последнее воскресенье месяца.)

Регулярные мероприятия общества Шалом

Семейный клуб (А.Модылевский. Шалом, 18.00 - последнее воскресенье месяца)

Литературно-музыкальные вторники (А.Модылевский. РЦНК, 14.00 - по вторникам)

Наша кухня

Печень по-еврейски

Печень говяжья 200 г, хлеб белый (мякиш) 40г, жир гусиный (топленный) 40 г, яйца 2 шт., лук репчатый 40 г, лук зеленый 40 г, перец 0,2 г, соль 8 г.

Говяжью печеньку отварить, нарезать кусками, а затем пропустить вместе с замоченной мякотью хлеба через мясорубку, добавить пассированный лук, соль, перец, растопленный гусиный жир и все вместе тщательно смешать. Выложить на тарелку, придать округленную форму, обложить ломтиками круто сваренных яиц и посыпать мелко рубленным зеленым луком.

Еврейская икра

Куриная печень 1,2 кг, куриный или гусиный жир 300 г, яйца 8 шт., лук репчатый 300 г, соль, перец по вкусу.

Печень промыть, пожарить и охладить. Растопить жир и обжарить на нем мелко нарезанный лук. Порубить печень, крутые яйца, смешать с луком. Добавить соль, перец по вкусу. Подавать с халой.

Креплах (фаршированные клецки)

Говяжья печень 400 г, лук репчатый 300 г, куриный жир 100 г, масло сливочное 200 г, яйца 2 шт., мука 300 г, соль, перец по вкусу.

Пожарить печеньку, а затем порубить. Накрошить лук и жарить до золотистого цвета. Перемешать печеньку с луком, одним вареным яйцом, солью и перцем. Сделать тесто из муки и воды, добавив туда одно сырое яйцо. Тесто тонко раскатать, разрезать на квадратики со сторонами 3 см. На каждый квадратик положить немного фарша, загнуть квадратик по диагонали и крепко прижать края. Клецки должны получиться треугольной формы. Варить их в кипящей подсоленной воде, затем вынуть их, высушить и подогреть на горячей сковороде в масле.

Подавать к столу в горячем виде.

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

**МОЛИСЬ, ДАБЫ Б-Г НЕ
 ЗАСТАВИЛ ТЕБЯ ВЫНЕСТИ
 ВСЕ, ЧТО ТЫ
 СПОСОБЕН ВЫНЕСТИ.**

Пословица

ХЭСЭД АГАМИМ

ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ

МАЦИЕВСКУЮ

Вацлаву Антоновну

ГОЛЬДШТЕЙНА

Валентина Борисовича

ДИВИНСКОГО

Николая Ивановича

КАУФМАНА

Залмана Самуиловича

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Издатель: Петрозаводская
 еврейская религиозная община
 185035 г. Петрозаводск, а/я 360,
 тел. (814-2) 78-39-38 e-mail: talit@karelia.ru

Редакторы:
 Давид Генделев
 Дмитрий Цвибель

Компьютерный набор, верстка и офсетная печать выполнены
 фирмой "Принт", 185001, Петрозаводск, пр. Первомайский, 1,
 тел. 78-20-18, факс 78-12-26
 Тираж 300 экз.